

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

DOI: 10.7256/1999-2793.2013.7.9059

РЕФОРМА VS РЕВОЛЮЦИЯ

Аннотация. В конце XIX в. Японии предстояло совершить скачок из феодализма в современный мир. Как можно было бы реализовать эту историческую трансформацию? Опыт Европы в основном свидетельствовал о том, что без социальной революции не обойтись. Только она, как полагали многие социальные мыслители, может обеспечить стремительное продвижение от одного общественно-экономического строя к другому. Разумеется, возможность реформирования общества тоже учитывалась, но предполагалось, что только путем социальной революции можно разорвать пути традиции. С политической точки зрения все революции нуждаются в уничтожении или нейтрализации внутренних враждебных сил, а также, видимо, тех сил, которые несовместимы с их исторической ориентацией. Нельзя говорить о завершении революции, пока эта цель не достигнута. На исходе столетия Япония мечтала о том, что восстановит власть Императора. В этом лозунге, как отмечала известная американская исследовательница Р. Бенедикт, отразилось стремление оградить Японию от разлагающего влияния внешнего мира и реставрировать золотую эпоху X в., когда еще не было «двойного правления» Императора и сёгуна. Р. Бенедикт имела в виду реформы Мэйдзи (1867-1868) — буржуазную революцию в Японии, в результате которой был ликвидирован институт «двойного правления» императора и сёгуна и «реставрировано» верховенство императорской власти. Однако такое развитие событий не нравилось многим японцам.

Ключевые слова: философия, реформа, революция, история, общество, эволюционизм, социология, политика, управление, экономика.

Императорский двор в Киото отличался крайней реакционностью. Социальный парадокс заключался в том, что восстановление императорской власти означало бы не столько учет назревших социальных перемен, а возвращение к традиционному образу жизни. Победа сторонников Императорской партии привела бы к унижению и изгнанию иностранцев. Но это означало бы укрепление патриархальности, боязнь новых общественных веяний. Те политические силы, которые стремились к реформам, могли бы в случае укрепления Императорской власти потерять свои позиции и даже право голоса при решении многих социальных вопросов. Реставрация прежних устоев была выгодна «посторонним князьям», так называли феодальных властителей, которые выступали против японского полководца и государственного деятеля Токугавы. Теперь эти князья стремились к радикальным кадровым перестановкам. Они пытались изменить установленную им сословную систему, при которой общество состояло из самураев, крестьян, ремесленников, торговцев и купцов. Свои ожидания были и у крестьян, которые

требовали, чтобы им оставляли большую часть вырабатываемого ими риса. Но реформы они отвергали с крайней ненавистью. Самураи мечтали о том, чтобы им сохранили пенсии и право использовать свои мечи для вящей славы. Купцы давали деньги на возможное восстановление власти императора, особых претензий к феодальной системе у них не было. Им было важно расширить сферу меркантилизма. Как разрешить все эти общественные противоречия? Возможно ли учесть совершенно разнородные интересы различные социальных слоев страны? И, наконец, как при видимом историческом движении вспять, катапультировать Японию в новейший мир? Эту задачу, как известно, выполнил великий японский реформатор Мэйдзи. Он сумел с помощью реформ обеспечить стране завидное место в мировой системе.

Слово «реформа» сегодня у всех на устах. Власть пытается преобразить различные стороны общественного бытия — экономические, социальные, политические, культурные. Реформа понимается как процесс безотлагательный и позитивный. Сегодня никто уже не представляет жизни без очередных реформ. Нет ни одной политической

партии в стране, которая не предлагала бы целый арсенал различных новаций. Инноватика — перманентный лозунг дня. Ситуация складывается так, что в обществе уже обозначился страх перед затеваемыми переменами. Крепнет убеждение, что ничего хорошего эти «новшества» не содержат. Напротив, они порождают множество негативных явлений. Во всяком случае, никакой пользы для народа они не несут. Заметно усиливается противостояние реформам, которое подчас имеет гротескный характер.

Поразительно при этом, что социальные философы не анализируют теоретические проблемы, связанные с реформой. Отечественных исследований на эту тему по существу мало. В основном интерес к теме ограничивается переводами зарубежных авторов. Между тем в базовых представлениях о социальных трансформациях царят путаница и дилетантизм. До сих пор не осмыслен сам процесс грандиозной инверсии — переход от прославления революции к культу реформ. В марксизме существовало стойкое представление о реформе как предательстве революции. Реформа отождествлялась с убеждением, что она есть нечто иное, как уступка революционных масс своим противникам. Смысл эволюционизма сводился к тому, чтобы задержать ход радикальных перемен, отсрочить их. Социальные философы не обратили серьезного внимания на парадокс, ведь чуть позже началось исступленное развенчание революции как деструктивного общественного явления.

Американский социолог Раймон Арон указывал на то, что американская социология уводит политиков от революции к реформам¹. Между тем европейские мыслители пестовали другой вариант событий — от реформ к революции. Революционный миф оказался наиболее стойким во Франции. Некоторые революции, например Великая французская революция, русская (Октябрьская, 1917 г.) и китайская, оцениваются как модели для анализа революционных феноменов вообще. Однако в гуманитарном сознании нет еще обстоятельной метафизической оценки революции как феномена. Отсутствует необходимая база для сравнительного анализа и обобщений. Нередко идеалы той или иной революции оказываются недостаточно документально подтвержденными, недостаточно изученными. В современной философской и социологической литературе, посвященной феномену революции, развертывается критика марксистской

концепции, согласно которой революция есть локомотив истории, закономерный и необходимый результат классовой борьбы в антагонистических формациях, высшая форма такой борьбы. Теперь всякая революция оценивается как разрыв в поступательном историческом процессе, акт разрушительности и бедствия. Классические размышления французского социолога Жака Эллюля ввели в общественную теорию противопоставление «бунта» и «революции»². Современные события на Ближнем Востоке, в Африке наглядно показали разрушительную мощь революций.

Между прочим, далеко не все социальные мыслители прославляли революцию. Многие из них считали, что для решения общественных проблем гораздо продуктивнее медленное, постепенное движение вперед. Кстати, государственные деятели, которые содействовали реформам Мэйдзи, стремились учесть социологические достижения европейской мысли. В 80-е годы XIX в. принц Ито, которому было поручено разработать новую Конституцию, послал маркиза Кидо в Англию к Герберту Спенсеру, чтобы проконсультироваться с ним по поводу назревших японских проблем и способов их решения. Поразительный факт, не так ли?

Г. Спенсер, действительно, — один из наиболее фундаментальных европейских мыслителей. Редкое современное социальное исследование обходится без ссылок на Спенсера. В «Основах социологии», самом фундаментальном своем труде, он систематизировал собственные взгляды на эволюцию общества. Спенсер считал, что усиление альтруизма есть закономерное и необходимое в историческом процессе. Он полагал, что человек, склонный к насилию, может стать глубоко страдающим индивидом. Сегодня в условиях роста социальной агрессии эти рассуждения могут показаться наивными. Но нельзя не посчитаться с тем, что Спенсер и его последователи аргументировано придерживались эволюционистской доктрины. Социальные изменения должны происходить продуманно, медленно, без риска, который чреват разрушительными последствиями. Эволюционисты считали, что обновленческие (мы сказали бы сегодня — модернизационные процессы) требуют постепенности, учета пройденных этапов и тщательного изучения нежелательных результатов. Они постоянно настаивали на постепенном, накопительном и мирном характере общественных

¹ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.

² Эллюль Ж. Политическая иллюзия. М., 2002.

преобразований. Сторонники Спенсера считали, что эти основоположения социальной теории важны не только для западных стран. Другие страны столкнутся с теми же проблемами. Именно поэтому эволюционисты разработали целый ряд понятий, которые могли бы выступать в качестве измерителей пройденного исторического пути. Среди этих терминов — «структурная дифференциация», «структурная дифференциация», «адаптивное совершенствование».

Когда японские деятели приехали к Спенсеру, он провел с ними обстоятельные беседы и дал конкретные рекомендации, которые во многом определили характер реформаторских усилий Мэйдзи. Спенсер указал на особую опасность, которую несет в себе попытка государственных деятелей устранить социальную иерархию. В Японии, подчеркнул он, сохранились традиционные институты. Их надо укрепить, чтобы обеспечить национальное благосостояние. Многие народы прошли через революции. Можно утверждать, что революции всегда были сопряжены с фазами разрушения. В каждой последующей фазе революции истреблялись деятели предыдущей. Все революции, особенно нареченные великими, оказывались кровавыми. Во время Великой французской революции крови пролилось не меньше, чем во время русской, а в английской — не меньше, чем во французской. Буржуазная революция в Японии не предполагала свержения или умаления власти императора, а, напротив, по совету Спенсера, сопрягалась с укреплением социальной иерархии. Сторонники Мэйдзи испытали удовлетворение от того, что получили поддержку и подкрепление собственным представлениям от европейского мыслителя. Они и не собирались устранять социальные различия и иерархические установки. Япония могла добиться значительных успехов, отказавшись от индивидуализма, которые взяли на вооружение многие нации. Напротив, под контролем «старших» страна могла избежать многих ошибок.

Однако мы не можем анализировать реформы без должного сопоставления их с феноменом революции. Само слово «революция» стало неотъемлемой составной частью европейской культуры с эпохи Просвещения. Оно (и его производные) оказалось приложимым практически ко всем сферам жизни (о революции говорят не только применительно к политике, но и к экономике, науке, технике, культуре). Оно стало политическим лозунгом и научным термином. История этого

слова демонстрирует взаимодействие постоянных, повторяющихся моментов и инноваций.

В язык политики слово *revolutio* вошло в эпоху позднего средневековья (сначала в Италии). Семантика его изначально была связана, с одной стороны, с понятием переворота и с другой — с хронологическим представлением о постоянном обращении планет. Т. Гоббс полагал, что революции вызывают постоянную смену способов правления: от монархии к аристократически-парламентской конституции, затем к демократии, а от демократии — снова к монархии. События английской революции, казалось, подтверждали это положение о постоянном возвращении политической жизни к исходному пункту, подобно круговым движениям планет. Современное понятие слово «революция» приобрело в европейских языках к концу XVIII в., в эпоху Французской революции.

Надо отметить, что нынешнее понятие «революция» двойственно: с одной стороны, оно означает осуществляемую насильственным путем смену власти, с другой — структурные сдвиги, происходящие в обществе на пути из прошлого в будущее. Изначально слово «революция» обладало главным образом политическим импульсом, к которому затем добавилось более широкое социальное значение. Слово «революция» и его семантика генетически связана с тремя группами политической лексики, восходящей к античности. Во-первых, оно восходит к лексике, обозначающей политические беспорядки (точка зрения власть имущих); ср. латинские термины: *tumultus*, *sedition*, *rebellio*, «возмущение», «мятеж», «бунт». Во-вторых, оно связано с лексикой, также обозначающей нарушение нормального хода политической жизни, но уже с нейтральной точки зрения: *discordis*, *bellum civile*, *vicissitudo* — «распря», «гражданская война», «превратности». В-третьих, обозначение политических событий с точки зрения «низов», являющихся движущей силой революции. Эти обозначения поясняют необходимость и законность смены власти: слово «революция» противопоставляется словам, как «тирания», «деспотия».

Но к концу XVIII в. семантика слова «революция» все больше сближалась с представлениями о развитии, прогрессе человеческого общества. Революция стала «субъектом истории», объективно необходимым фактором движения к лучшему будущему. Произошло разделение и противопоставление семантики «мятежа» (отрицательные коннотации) и «революции» (положительные коннотации). В процессе секуляризации обще-

ственной жизни «революция» стала вытеснять религиозные ориентиры истории — «ожидание царствия небесного на земле».

Развитие слова «revolution» демонстрирует многократный процесс метаморфизации: от слова с конкретным знанием («откатывание», «оборот») к астрономическому термину, затем — к политическому, и, наконец, к социальному термину. Семантика слова становилась многослойной, слово сохраняло в себе «память» о предыдущих семантических сдвигах. Так, астрономическое представление о *revolutio* как сложном движении (Земля вращается вокруг своей оси и одновременно обращается вокруг Солнца) отразилось в появившемся в XIX в. представлении о социальном развитии как движении по спирали. В то же время и самое абстрактное значение слова «революция» унаследовало в метаморфизированном виде изначальную семантику движения, резкого и отрицательного сдвига.

Феномен реформы, радикально противостоящий слову «революция», со времен обнаружил в себе тайную родственную близость с ней? Неужели не очевидно, что отдельные реформы, даже в случае собственной неудачи, рождают в обществе такие новации, на какие не могли рассчитывать прежние революции? Буквально в течение десятилетия в России обнаружилась и утвердилась столь мощная социальная сила, как олигархи. Макс Вебер считал, что в минувшем столетии обнаружилось новое явление, которое он назвал универсальной бюрократизацией. Обозначился совершенно «вульгарный» бюрократический ореол, который этот ученый назвал «метафизикой чиновничества». Другой европейский мыслитель Альфред Вебер тем не менее считал, что бюрократический аппарат, который служит инструментом в руках того или иного президента, никак не может претендовать на ореол величия³. Однако в наши дни власть чиновника оказалась безмерной. Возникло новое всесильное сословие. Размеры поглощения населения чиновничьим аппаратом огромны. Родился феномен обожествления чиновника. Государство теперь говорит чиновнику: «Ты мой, потому что ты некогда продал мне себя. Ты — мой вассал». Произошла немислимая девальвация интеллектуальной жизни. В наши дни заметно упростился и сам тип личности. В наши дни реформы реализуют те социально-полити-

ческие силы, которые сумели заполучить власть в ходе общественных пертурбаций. При этом преобразуются институты общества, социально-экономические или политические отношения, структурно-функциональные связи. Получается, что революционные перевороты используют те же самые механизмы, которые сопровождают эволюционные реформы. При этом рушатся традиции, рвется социальная ткань. Реформа становится синонимом любых значительных трансформаций, которые убыстряют ход истории. Используются и другие понятия, которые выражают смысл реформирования — «модернизация», «мобилизационные процессы».

Все это, несомненно, так. Но эту опасность предвидели многие европейские мыслители. Например, французский психолог Г. Лебон подчеркивал, что мания великих реформ пагубна для народа, как бы ни казались хорошими эти реформы в теоретическом отношении. Они могли бы, по его словам, принести пользу только в том случае, если бы оказались способными мгновенно изменить «душу нации». Но это невозможно. Реформированию, по его словам, подвергаются учреждения и законы. Люди в своей жизни ориентируются на идеи, чувства и нравы. Любая реформа затрагивает основы культуры. Можно, разумеется, улучшить экономические показатели путем финансовой реформы. Но крайне непродуктивно и опасно проводить административную или образовательную реформу путем простой пересадки нововведений в другую культуру.

Между прочим, Огюст Конт считал, что раньше всех других революционных изменений должна произойти революция интеллектуальная. Ни насилие, ни случайности революции не способны, как он полагал, изменить общество. Реформаторский пыл Конта сосредоточен на созидании силы духа, поэтому в сфере экономики он предстает в роли умеренного преобразователя. Конт анализирует историческое разнообразие, детально рассматривая три движущие силы преобразования: расу, климат, политическую деятельность. Великие люди не способны, по мысли Конта, изменить ход событий. Но французский социолог полагает, что планировать общество, опираясь на насилие, еще худшее зло. Реформатор может содействовать смягчению ситуаций, кризисных состояний. Он предупреждал: речь идет не об управлении социальными феноменами, а лишь об изменении их спонтанного развития. Не зная реальных законов общественного развития, лучше не затевать ре-

³ См.: Вебер Альфред. Избранное: Кризис европейской культуры. М., 2012.

форм... Мне кажется актуальной мысль Альфреда Вебера о том, что культуру не «создают», как ныне, вероятно, полагают глупцы. Она растет. Мы должны питать почву, чтобы она не пересохла окончательно и чтобы наше «духовное тело» еще продолжало жить.

Отсюда весьма актуальный вывод: не только революция, но и реформа связана с насилием. История подчиняется законам. Эволюция требует времени. Иначе она все равно возжаждет крови. Невозможно реформировать общество без научной теории, без глубокой опоры на социальное знание. Конт вообще считает, что без единства религиозных и моральных убеждений ни одно общество не может быть устойчивым. Классики социологии были убеждены в том, что демократия способна смягчить социальные конфликты. Но она же чревата новым деспотизмом. Особенно настаивал на этом выводе Алексис де Токвиль⁴.

Каков же общий итог феноменологии реформы? Классики социологи признали ее надежным средством социальной динамики при одном неоспоримом условии: сам характер социальной технологии для общества даже более важен, нежели его экономическая структура или социальная стратификация. Это главная мысль Карла Манхейма. В современной политической практике власти тоже толкуют о реформах. Однако они не связывают их ни с какой социальной технологией. Бюрократы фиксируют кризисные процессы в конкретной области общественной жизни и с помощью экономических рычагов начинают «исправлять положение». Но К. Манхейм предупреждал: без целостной концепции общественного развития реформа неизбежно окажется бесплодной или разрушительной. С помощью социальной технологии можно затормозить или изменить функционирование экономической системы, разрушить одни социальные страты и поставить на их место другие.

Но К. Манхейм считал, что сама по себе социальная технология ни хороша, ни плоха. Все зависит от того, как ее использует человеческий рассудок и политическая воля. Если экономическую систему пустить на самотек, то есть, говоря современным языком, довериться только либеральным схемам рынка, то возникнет пропасть между богатством и бедностью. Принцип социальной справедливости является не только этическим принципом, но и одним из условий функционирования самой демократической системы.

Но он же подчеркивал, что требование большей справедливости вовсе не обязательно подразумевает механическое понятие равенства. Разумные различия в доходах и накоплении богатства могут сохраняться в обществе с целью стимулирования лучших достижений, пока они не нарушают общих тенденций планирования и не вырастают до таких размеров, что препятствуют сотрудничеству между различными классами.

Манхейм вовсе не был певцом социальной технологии как таковой. Здесь не обойтись без духовного руководства, которое представляет собой нечто большее, нежели система решений технических вопросов. Немецкий социолог считал, что эволюционные изменения обладают несомненным преимуществом. Хотелось бы обратить внимание на аксиологию реформ. Всякое реформирование имеет этическое измерение. Властитель может соблазнять массы экономическими результатами, благоденствием, потребительскими запросами. Но проблема выбора ценностей все равно окажется неизбежной при любом реформировании. Во имя чего планируются перемены? Тот же Манхейм сопоставляет религию любви и всеобщего братства, неоспоримую ценность свободы и развития личности с идеей справедливости, равенства людей. Но в общественном сознании современной России проступают также ценности национализма, чистоты этноса и плодовитости, установки на дисциплинарное послушание. Реформы в нашей стране не сплачивают народ, как это было в программах Мэйдзи или Вернера, а, напротив, резче обозначают социальные противоречия, внутри-социальные конфликты. Может ли, к примеру, административная реформа вызвать воодушевление и энтузиазм масс, если в ее сухом остатке число чиновников и их полномочия возрастают? Способна ли проведенная бывшим министром обороны военная реформа укрепить патриотические чувства народа, если ее главный итог — широкий спектр уголовных дел?

Карл Манхейм предупреждал в своей книге «Диагноз нашего времени»: ни одна реформа не может быть успешной, если в ней нет аксиологического измерения⁵. Иначе говоря, мы, затеявая преобразования, подумать о том, каково нравственное содержание задуманных трансформаций? Возможно, они окажутся полезными в экономическом отношении, но ущербными в нравственном смысле. Английский утопист Герберт Уэллс саркастически

⁴ См.: Токвиль Алексис де. Демократия в Америке. М., 2000.

⁵ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

замечил: можно делать консервы из людей, если речь идет только о полезном пропитании. Какой тип личности нужен нам в процессе реформирования общества? Хотим ли мы, спрашивал Манхейм, воспитать прагматиков, которые обо всем судят с позиции пользы?

Когда, по словам того же Манхейма, возник новый метод оправдания ценностей, источником которого является вечный рациональный закон, якобы присущий всему человечеству, распахнулись двери для обоснования самых разных святынь. Утилитарное оправдание ценностей со ссылкой на их полезность или вера в неоспоримое влияние лидера стали настолько же благовидными, как и вера в право сильного. И не суть важно, находит ли последняя свое выражение в теории вечной борьбы между расами, классами или элитами. Во всех этих случаях не видно конца затуханию взаимной вражды, отмечал Манхейм, поскольку оправдание как таковое признает бесконечные произвольные притязания: почему бы моему лидеру не обладать ясновидением, а моей расе или классу призыванием править миром?

Еще одна трудность того же порядка заключается, согласно Манхейму, в том, чтобы сосредоточить интенсивное внимание на каком-то видимом социальном факторе. Когда нет признанной системы ценностей, то власть рассеивается, методы оправдания становятся произвольными и никто не несет ответственности. Сосредоточение власти и распределение различных степеней ответственности между должностными лицами — предварительное условие функционирования общественной жизни. Это сосредоточение, однако, затрудняется, поскольку политические лидеры могут выдвинуть в качестве неотложной любую социальную проблему. Бывший президент доказывал, что самое главное для России

модернизация. Но что нужно осовременить в первую очередь? Каковы приоритеты? Эти вопросы не обсуждались и поэтому лозунг модернизации быстро утратил свою актуальность.

Реформаторы общества время от времени привлекают всеобщее внимание к порокам социальной системы; сейчас это надо делать систематически и масштабно. Вряд ли можно сегодня полагать, что вредные последствия безработицы, неправильного питания или недостатка образования могут стать уделом только определенных классов общества. Тесная взаимозависимость событий в современном обществе вызывает у всех его членов беспокойство, что отрицательно сказывается на их физическом и моральном состоянии. Чтобы подготовили почву для достижения согласия, надо устранить препятствия, существующие в нашем обществе. Поэтому борьба за достижение согласованности в оценках идет рука об руку с борьбой за социальную справедливость. С другой стороны, нельзя предположить, что распространение социальной справедливости на значительную часть общества автоматически приведет к согласию в оценках. В массовом обществе много других источников разногласий и противоречий между индивидами и группами, которые могут привести к хаосу, если мы не найдем правильного подхода. Поэтому одна из важнейших задач социолога будет состоять в изучении условий, при которых возникают разногласия и прерывается процесс группового приспособления и примирения ценностей. Он должен будет проанализировать причины неудач теми же эмпирическими методами исследования, которые во многих других областях указывали адекватные меры по восстановлению и обновлению пришедших в упадок общественных структур.

Список литературы:

1. Бенедикт Рут. Хризантема и меч: Модели японской культуры. М.; СПб, 2013.
2. Бурхардт Якоб. Размышления о всемирной истории. М.; СПб, 2013.
3. Вебер Альфред. Избранное: Кризис европейской культуры. М., 2012.
4. Гердер Иоганн Готфрид. Идеи к философии истории человечества, М.; СПб, 2013.

References (transliteration):

1. Benedikt Rut. Hrizantema i mech: Modeli yaponskoy kul'tury. M.; SPb, 2013.
2. Burhardt Yakob. Razmyshleniya o vseмирной istorii. M.; SPb, 2013.
3. Veber Al'fred. Izbrannoe: Krizis evropeyskoy kul'tury. M., 2012.
4. Gerder Iogann Gotfrid. Idei k filosofii istorii chelovechestva, M.; SPb, 2013.